

К настоящему времени изменилась ситуация в Северо-Восточной Азии. Она с политической и экономической точек зрения больше не является однородным субрегионом. Образовались «Большая тройка» (Китай, Япония и Республика Корея) и «периферийная группа» (Россия с Дальним Востоком, Монголия и КНДР). Россия заинтересована стать полноправным участником интеграционного процесса, который инициируется «Большой тройкой», включиться в движение за создание зоны свободной торговли в регионе.

**Вызов второй.** Рынок перечеркивает предопределенность зависимости «Большой тройки» от российского сырья. Современная экономика Дальнего Востока и Сибири для этих стран сохраняет значение в основном с точки зрения получения нефтегазовых ресурсов. Ситуация такова, что ресурсы в регионе есть, но их рентабельное освоение и извлечение выгод затруднены.

**Вызов третий.** Планы создания на Дальнем Востоке и в Сибири современной инфраструктуры чрезвычайно важны для России в целом. Но остается невыясненным вопрос, насколько это будет способствовать решению острейших социально-экономических проблем самого региона Дальнего Востока и Сибири.

**Вызов четвертый.** Прогрессирующее закрепление определенных ниш в системе международного разделения труда основано на монополии на рынках капитала и технологий. В результате происшедшей поддержки с приходом на эти рынки России для нее фактически остались лишь две ниши: сырьевая, прежде всего, топливно-энергетические и лесные ресурсы; услуги по транзиту грузов, в первую очередь, топливно-энергетических.

Как считают российские специалисты, современная асимметрия структуры торговых потоков России в Северо-Восточной Азии не является временной «неправильностью», но жесткой тенденцией. На ее преодоление потребуется максимальная концентрация ресурсов и усилий российского государства<sup>60</sup>. Укрепление экономических позиций позволило бы усилить влияние нашей страны на политические, интеграционные процессы, активизирующиеся в регионе с участием главных субъектов геополитики в регионе, какими являются Япония, Китай и США.

<sup>60</sup> Из итогового документа Дальневосточного международного экономического форума. Хабаровск–2006. <http://www.dvforum.ru/2006/itogPeel.aspx>.

## Энергетическая дипломатия Японии в странах Персидского залива в контексте трех нефтяных кризисов

Е. В. Арутюнян

Как известно, первый нефтяной кризис начался в 1973 г. Корни его возникновения следует искать в арабо-израильском конфликте<sup>1</sup>, который произошел осенью того же года. После создания Израильского государства на Палестинской земле в 1947 г., арабские страны стали использовать нефть как «политическое оружие» для воздействия на Израиль, США и ряд союзнических государств. В 1960 г. они создали Организацию арабских стран-экспортеров нефти (ОАПЕК), которая в дальнейшем была переименована в ОПЕК (Организация стран-экспортеров нефти). После четвертого арабо-израильского военного конфликта осенью 1973 г. (16 октября) шесть арабских государств приняли решение повысить цены на нефть сразу на 70%. На следующий день ОАПЕК объявила о сокращении нефтедобычи на 5% и потребовала заключения справедливого мира между Израилем и арабами<sup>2</sup>. Посчитав, что западные страны, прежде всего США, недостаточно серьезно отнеслись к этим предупредительным мерам, 20 октября 1973 г. король Саудовской Аравии Фейсал объявил об уменьшении экспорта нефти и запрещении ее продажи Соединенным Штатам. Одновременно цены на нефть были подняты в 2,12 раза. В результате 1 баррель нефти типа «арабэнлайт», за который импортеры в начале 1973 г. платили 3 долл., за год подорожал до 12 долл. Установление эмбарго по отношению к США и их союзникам серьезно дестабилизировало ситуацию в нескольких странах, в том числе, и в Японии<sup>3</sup>.

Арабские страны разделили все государства на два лагеря – дружественные и недружественные. К числу недружественных государств были причислены Израиль, США, Голландия, Великобритания, Япония и др. В связи с этим поставляемый в Японию объем нефти уменьшился на 10%. Эта ситуация отрицательно повлияла на экономику Японии, особенно после того, как цены на нефть за короткий период

<sup>1</sup> Подробнее об этом конфликте см.: *Оганесян Николай*. История арабских стран. – Век независимости и суверенитета 1918–2005 гг. Ереван : Зангак–97, 2007, т. 4, с. 259–301.

<sup>2</sup> *Того Кадзухито*. 50 лет японской дипломатии (1945–1995), М., 1996, с. 120; *Wu Yuan-Li*. Japan's Search for Oil, A Case Study on Economic Nationalism and International Security. Stanford, 1977 – XVII, p. 1.

<sup>3</sup> Подробнее см.: *Оганесян Николай*. История арабских стран, с. 363.

(сентябрь 1973 г. – январь 1974 г.) подорожали в 4 раза<sup>4</sup>, так как 78% потребляемой энергии страна получала от нефти<sup>5</sup>, причем свыше 80% этого продукта поставлялось с Ближнего Востока.

В 1973 г. Япония импортировала в общей сложности 290 млн. т. нефти, что составило 8% всего мирового экспорта этого сырья. Около 43% нефти поставлялось в Японию из арабских стран<sup>6</sup>, 41% – из Ирана<sup>7</sup> и 16% – из Индонезии. Таким образом, ситуация, сложившаяся в регионе, заставила Японию пересмотреть свое отношение к странам Ближнего Востока, поскольку только финансовых средств уже было не достаточно для приобретения нефти<sup>8</sup>. По этому поводу бывший посол Японии в США Ф. Того заявил: «У нас не было хорошо продуманной политики в отношении Ближнего Востока, до 1973 г. мы всегда могли купить нефть при наличии денег»<sup>9</sup>.

Япония придерживалась позиции невмешательства в арабо-израильский конфликт и сохранила свои особые отношения с США. До 1973 г. Япония в основном сотрудничала с Ираном. Вначале японо-иранские отношения поддерживались со стороны США, так как Вашингтон надеялся на изменение ближневосточной политики Токио, который в конце концов поддержит политику США на Ближнем Востоке. Однако после установления эмбарго со стороны арабских стран США начали импортировать большие объемы нефти из Ирана, в результате чего заметно уменьшились поставки нефти в Японию (в 1973 г. – 31%). Иран не зависел от политики арабских стран и был свободен в выборе своих западноевропейских партнеров. В это время Токио сохранял хорошие отношения с США, не был привязан к политике арабских стран и тоже был свободен в выборе партнеров.

Сложившаяся ситуация вынудила Японию активизировать отношения с арабскими странами. С этой целью в ближневосточный регион отправился премьер-министр Японии Мики Такэо. 10–28 декабря 1973 г. он побывал в Египте, Ираке, Катаре, Кувейте, Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ), Саудовской Аравии и в Сирии. Премьер-министру

<sup>4</sup> Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. История Японии. XX век. М., 2007, с. 363.

<sup>5</sup> Polk William. The Arab World Today. L., 1991, p. 417.

<sup>6</sup> На первом месте Саудовская Аравия – 10,7%, на втором Кувейт – 6,9 %. Подробнее см.: Wu Yuan-Li. Japan's Search for Oil, a Case Study on Economic Nationalism and International Security. Stanford, 1977 – XVII, p. 72.

<sup>7</sup> Однако по некоторым данным, в 1973 г. из Ирана в Японию было экспортировано 37,3 % нефти. См.: Богатуров А. Д. Японская дипломатия в борьбе за источники энергетического сырья (1970–1980 гг.). М., 1988, с. 108.

<sup>8</sup> Энергетические проблемы Японии. – ТАСС. Атлас, N 29 (1150), Еженедельный вестник иностранной информации. 04.09.1973, с. 51.

<sup>9</sup> Yositsu Michael M. Caught In The Middle East, Toronto, 1984, p. 3.

удалось убедить власти арабских стран причислить Японию к числу «доброжелательных государств»<sup>10</sup>.

Япония была вынуждена пойти на некоторые уступки и пересмотреть свою позицию по отношению к участникам арабо-израильского конфликта. Токио установил полуофициальные отношения с Организацией Освобождения Палестины (ООП), но не признавал право самоопределения арабского народа Палестины. Более того, Япония не только косвенно предложила свое посредничество в урегулировании в арабо-израильского конфликта, но и стремилась стать связующим звеном между нефтеперерабатывающими странами и странами-импортерами. По этому поводу директор японского института энергетики Т. Икута заявил: «Мы *обязаны* способствовать установлению диалога между производителями и потребителями нефти. Япония *может и должна* стать посредником между нефтедобывающими странами Ближнего Востока и Западом»<sup>11</sup>. Такие политические уступки могли стать гарантией для импорта нефти в Японию. Подобного рода энергетическая дипломатия гарантировала импорт ближневосточной нефти в Японию.

В это время Ирак для сохранения своих природных ресурсов произвел национализацию нефтяных богатств. В ответ на это энергетические транснациональные корпорации (ТНК) попытались организовать ему бойкот, а Япония, воспользовавшись внутривосточной ситуацией в Ираке в своих интересах, установила с ним экономические отношения и в 1974 г. подписала межправительственное соглашение об импорте иракской нефти. Доля Ирака в обеспечении потребностей японской экономики в нефти выросла с 0,1% в 1973 г. до 7,8% в 1980 г. По соглашению Япония обязывалась в течение пяти лет предоставить Ираку займы и кредиты на сумму 2 млрд. долл. Кроме этого, для обслуживания нефтехимических комплексов Ирака и Саудовской Аравии были отправлены японские технические специалисты, которые должны были содействовать развитию промышленности арабских стран<sup>12</sup>.

Указанные выше дипломатические меры, предпринятые Японией, не только содействовали решению вопросов энергетической безопасности страны, но и укрепили ее политические и экономические позиции на Ближнем Востоке. Так, если в 1974 г. японский капитал играл активную роль в пяти странах региона – в Саудовской Аравии, Иране, Ираке, Иордании и Египте, то с 80-х годов стала распространяться в Бахрейне, ОАЭ, Катаре, Омане, Кувейте, Сирии и Йемене<sup>13</sup>.

<sup>10</sup> Wu Yuan-Li. Japan's Search for Oil, a Case Study on Economic Nationalism and International Security. Stanford, 1977 – XVII, p. 72.

<sup>11</sup> Богатуров А. Д. Японская дипломатия в борьбе за источники энергетического сырья (1970–1980 гг.), с. 66.

<sup>12</sup> Там же, с. 113–114.

<sup>13</sup> Ульяновцев С. С. Энергетические проблемы Японии: их влияние на экономику. – Япония 1975. Ежегодник, М. 1975, с. 161.

Таким образом, в 1973 г. нефтяной кризис заставил Японию пересмотреть свою позицию в отношении некоторых политических вопросов, касающихся ближневосточного региона.

Благодаря гибкости и разумности японской политики, ему удалось, не только улучшить свои отношения с нефтеперерабатывающими арабскими странами, но и сохранить дружественные отношения с США.

Однако в связи с падением монархического режима иранского шаха Реза Пехлеви и прихода к власти духовного лидера Рухоллы Хомейни в конце 70-х годов на мировом нефтяном рынке вновь разразился кризис. Поскольку свергнутый шах, проводивший проамериканскую политику, прибыл в США, то иранцы рассматривали этот факт как возможную прелюдию к последующей попытке американцев вернуть его на трон. Провозгласив Исламскую Республику Иран, Хомейни потребовал вернуть шаха и передать его суду за совершенные им преступления против государства. После отрицательного ответа Вашингтона, иранская молодежь захватила в заложники сотрудников американского посольства в Иране.

Новая иранская теократическая власть, занявшая враждебную позицию по отношению к Западу, приостановила производство нефти, объем которой до этого составлял 6 млн. баррелей в день<sup>14</sup>. Образовавшийся вакуум решила заполнить Саудовская Аравия, поднявшая добычу выше отметки 10 млн. баррелей в день. Однако и эта мера по стабилизации рынка не предотвратила роста цен на нефть – с 14 долл. за баррель осенью 1978 г. до 34 долл. весной 1979 г. Наступил второй нефтяной кризис.

Эти события поставили Японию перед альтернативой: либо она должна была в знак солидарности со своим политическим союзником порвать отношения с Ираном, либо использовать сложившуюся ситуацию в собственных интересах. В результате отказа США покупать иранскую нефть после захвата заложников, в распоряжении иранского правительства оказались значительные излишки сырья, которые ввиду неустойчивого финансового положения страны было необходимо скорейшим образом реализовать через свободный рынок. Около половины этой нефти, более 3 млн. т, было закуплено шестью японскими компаниями по 40 долл. за баррель (при уровне цен в 1979 г. от 20 до 30 долл.). Часть закупленной нефти через посредничество входящей в международный нефтяной картель корпорации «Шелл» была перепродана на западноевропейский рынок, что было первым случаем, когда японская фирма выступила в качестве поставщика энергетического сырья в промышленно развитые страны.

Действия японских монополий вызвали бурную реакцию официальных представителей администрации президента Картера. Выступая

в Конгрессе, спикер палаты представителей Т. О'Нил потребовал применения экономических санкций против Японии, предложив, в частности, ввести на шесть месяцев 50%-ный налог на импорт из любой страны, отказавшейся сотрудничать с США в вопросе о заложниках. Американский конгрессмен прямо обвинил Японию в пренебрежении союзническим долгом. Опасаясь осложнений в отношениях с США, правительство Охира направило в Вашингтон в качестве специального представителя, заместителя министра внешней торговли и промышленности Амая Наохиро. Он должен был разъяснить американской стороне, что Япония не может полностью отказаться от закупок иранской нефти и добиться согласия Вашингтона на исключение комплекса в Бендер-Хомейни из числа объектов, на которые должны были распространяться экономические санкции. Однако США отклонили просьбу министра и, более того, вновь предъявили свои требования Японии.

Озабоченный сложившейся ситуацией Тегеран, с раздражением воспринимавший малейшие колебания в японском внешнеполитическом курсе, стремился помешать блокированию Японии с США по вопросам закупок иранской нефти. 21 декабря 1979 г. на сессии ОПЕК в Каракасе министр нефти Ирана А. А. Моинфар в связи с неопределенностью позиции Токио заявил, что иранское правительство пересмотрит свое отношение к экспорту нефти в Японию, если последняя сократит ее закупки в Иране. Через несколько дней с аналогичным предостережением выступил один из влиятельных общественных деятелей Ирана – глава шиитской общины Тегерана Аятолла Монтазери. 24 декабря та же позиция официально была изложена послом Ирана в Японии Г. Салехом министру иностранных дел Японии. Несмотря на критику со стороны Тегерана, японское правительство опасалось вступить в открытое противоречие с США. Поэтому оно все же пошло на частичное ограничение деятельности японских компаний в Иране. Министерство внешней торговли и промышленности было вынуждено издать специальный циркуляр, согласно которому корпорации, совершавшие дополнительные закупки иранской нефти, должны были облагаться штрафом.

Между тем, в январе 1980 г. японские компании подписали с Национальной нефтяной корпорацией Ирана соглашение о поставках на 1980 г., которое предусматривало импорт в размере 500 тыс. баррелей в день. Иранское правительство обусловило выполнение своих обязательств по контракту, согласно которому японская сторона обязывалась не продавать закупленную нефть в пять государств, «недружественных Ирану», – США, ЮАР, Израиль, Египет и Филиппины. Эти условия были приняты Токио.

Правящие круги Японии прилагали все усилия, чтобы не допустить одностороннего прекращения иранских поставок. Тегерану были даны твердые гарантии относительно оказания экономического содействия.

<sup>14</sup> *Того Кадзухито*. 50 лет японской дипломатии (1945–1995), с. 122.

Об этом в 1980 г. заявил в парламенте министр иностранных дел Японии Охира Масаёси: «Мы по-прежнему считаем необходимым продолжить работы на японо-иранском нефтеперерабатывающем комплексе в Бендер-Хомейни»<sup>15</sup>.

Попытки уклониться от реальной поддержки курса Вашингтона в отношении Ирана вызвали новые трения в японо-американских отношениях. 8 апреля 1980 г. посол США М. Мэнсфилд передал премьер-министру Японии новое требование администрации Картера присоединиться к санкциям и прекратить закупки иранской нефти, которые лишали должной эффективности меры США по осуществлению финансового бойкота Ирана.

14 апреля того же года японское правительство приняло решение не увеличивать в дальнейшем импорт нефти из Ирана, зафиксировав его на уровне 1979 г., а также воздержаться от предоставления этой стране новых займов. В то же время правящие круги Японии подтвердили свою готовность продолжить сооружение комплекса в Бендер-Хомейни, мотивируя свое решение тем, что строительство этого объекта было начато задолго до захвата заложников. Однако настойчивость американской администрации и поддержка ее требований со стороны ведущих западных стран заставила Японию пойти на присоединение к анти-иранским санкциям.

В ответ на эти шаги во второй декаде апреля 1980 г. представители Национальной нефтяной корпорации Ирана объявили о повышении цен на нефть, поставляемую в Японию, на 2,5 долл., что было на 9 долл. дороже, чем на нефть того же качества из Саудовской Аравии. Японские монополии отказались покупать иранскую нефть по новой цене. В результате 21 апреля иранское правительство полностью запретило экспорт нефти в Японию.

Убедившись, что западноевропейские страны склоняются к поддержке США, японское правительство предприняло попытку заручиться гарантиями американской администрации на случай, если присоединение к санкциям окажет слишком серьезное влияние на экономику страны. В частности, японское правительство пыталось убедить президента Картера воздействовать на международные нефтяные корпорации, с тем чтобы они «увеличили поставки нефти в Японию, если прекращение импорта из Ирана примет затяжной характер»<sup>16</sup>, что и явилось одной из главных целей состоявшегося в начале мая 1980 г. визита М. Охира в Вашингтон. Министр иностранных дел Японии надеялся убедить американцев экспортировать в страну нефть с Аляски, однако админи-

страция США проигнорировала пожелания японского правительства. Учитывая, что Япония фактически уже присоединилась к антииранским мерам, отказавшись покупать нефть по новой цене, президент Картер лишь потребовал от своего союзника более строгого соблюдения санкций.

Уступая давлению США, министерство внешней торговли и промышленности Японии уже после получения от иранской стороны уведомления о прекращении поставок издало циркуляр, содержащий рекомендации торговым, строительным и автомобильным компаниям воздерживаться от заключения новых контрактов с Ираном. В то же время в связи с угрозой министра нефти А. А. Моинфара аннулировать контракт на строительство комплекса в Бендер-Хомейни и передать его Венгрии, посол Японии в Иране Ц. Вада подтвердил готовность своего правительства в полном объеме обеспечить выполнение всех запланированных работ.

Однако дипломатические маневры Токио не предотвратили дальнейшего обострения японо-иранских отношений. После решения о присоединении к экономическим санкциям против Ирана, принятого на совещании министров иностранных дел стран – членов ЕЭС в Брюсселе, правительство Японии, уступая давлению со стороны США и западноевропейских партнеров, 23 мая 1981 г. постановило ввести со 2 июля запрет на экспорт, транзит грузов и предоставление услуг Ирану без специального разрешения министерства внешней торговли и промышленности.

В момент возникновения разногласий из-за цен запасы частных компаний Японии могли обеспечить потребности экономики страны в течение 88 дней, кроме того, существовал еще семидневный правительственный резерв топлива. В условиях избытка нефти на мировом рынке вследствие экономического спада и увеличения добычи другими странами Япония, по мнению правительственных экспертов, могла обойтись без поставок из Ирана в течение не менее двух лет<sup>17</sup>.

Понимая, что иранское правительство не сможет долго обходиться без экспорта нефти, японские монополии заключили серию краткосрочных контрактов с Венесуэлой и Индонезией. Одновременно были подписаны соглашения о поставках на основе прямых сделок с Кувейтом и Катаром. Эти меры должны были обеспечить стране дополнительно около 250 тыс. баррелей в день. Была также достигнута договоренность с правительством Саудовской Аравии об увеличении экспорта в Японию с 600 тыс. до 1400 тыс. баррелей в день. На основе долго-

<sup>15</sup> Богатуров А. Д. Японская дипломатия в борьбе за источники энергетического сырья, с. 126.

<sup>16</sup> The Japan Times. 30.04.1980.

<sup>17</sup> Важной сферой политики Японии явился курс на создание стратегических резервов энергоресурсов в соответствии с Законом об обеспечении нефтяных резервов (1975 г.). Подробнее см.: Носова И. А. Энергетическая дипломатия Японии. – Япония 2004–2005. Ежегодник. М., 2005, с. 88.

срочного соглашения в Японию поступило довольно значительное количество нефти из Китая.

Благодаря учету опыта событий 1973–1974 гг. правящие круги Японии сумели подготовиться к сокращению и прекращению поставок нефти из Ирана. Вследствие этого второй «нефтяной шок» не вызвал в стране паники, способной серьезно осложнить экономическое положение в стране.

Таким образом, Япония смогла преодолеть два нефтяных кризиса (1973, 1978/79 гг.) благодаря умелому дипломатическому маневрированию между интересами противоборствующих стран.

Продолжительный вооруженный конфликт между Ираном и Ираком, начавшийся осенью 1980 г., вызвал новое обострение международно-политической ситуации на Ближнем и Среднем Востоке и создал угрозу стабильности поставок нефти из этого региона в Японию. В момент начала военных действий доля обоих государств в японском импорте нефти составляла 14,4%. Разрушения, вызванные войной на промыслах, в портах и нефтехранилищах, привели к подрыву экспортных возможностей как Ирана, так и Ирака. В результате этого поставки обеих стран в 1986 г. составляли 11,4% японского импорта нефти. Годы военных действий между Ираном и Ираком принято считать третьим нефтяным кризисом Персидского залива.

С точки зрения обеспечения «экономической безопасности» Японии, ирано-иракский конфликт был опасен не только сокращением импорта нефти из воюющих стран. Эскалация военных действий создавала угрозу вовлечения в конфликт ряда нейтральных государств Персидского залива, что поставило бы под угрозу поставки нефти из этих стран для Японии. Кроме того, боевые действия осложняли ситуацию в зоне важнейших морских коммуникаций (через Ормузский пролив следовали транспорты, доставляющие основной объем нефти в Японию).

Возможность блокады пролива самым серьезным образом беспокоила японские правящие круги. В беседе с журналистами министр иностранных дел Японии Абэ Синтаро выразил свои опасения вполне откровенно: «Конфликт между Ираном и Ираком, помимо прочего, чреват новым нефтяным шоком»<sup>18</sup>.

Продолжение военных действий влекло за собой также крупные убытки японских компаний, занимающихся сооружением различных промышленных объектов в обеих странах. Прежде всего, страдали финансовые интересы группы «Мицуи», ведущей строительство нефтехимического комплекса в Бендер-Хомейни. Перечисленные обстоятельства создавали предпосылки для заинтересованности Токио в прекращении войны в зоне Персидского залива.

<sup>18</sup> Богатуров А. Д. Японская дипломатия в борьбе за источники энергетического сырья, с. 133.

Одновременно ирано-иракский конфликт был выгоден японским правящим кругам. Обе воюющие страны являются членами ОПЕК, существующие между ними противоречия ведут к ослаблению единства этой организации, ограничивают ее возможности сплоченно противостоять попыткам ведущих западных держав, навязать странам ОПЕК свои условия торговли нефтью. Поэтому Япония заинтересована в сохранении определенного уровня напряженности между государствами – экспортерами нефти, в том числе между Ираном и Ираком.

Интересы Токио в зоне конфликта в определенной степени совпадали с устремлениями США и других стран НАТО. Их также беспокоил вопрос о безопасности судоходства в Ормузском проливе, через который танкеры с нефтью следуют не только в Японию, но и в США и страны ЕЭС. Доля нефти, поступающей через Ормузский пролив в страны Западной Европы, составляет около 25%, в США – всего 7%, в Японию – 55–60%.

Вместе с тем европейские государства и США могли импортировать нефть через средиземноморские порты, которые соединены нефтепроводами с месторождениями в районе Персидского залива. Для Японии такой путь был малопривлекательным, поскольку это привело бы к резкому удорожанию транспортных расходов.

Кроме того, для Японии увеличение импорта нефти непосредственно из Ирана и Ирака было важно в большей степени, чем, например, для США, которые, используя уже устоявшиеся связи, имели возможность ввозить нефть из стран Западной Европы и Латинской Америки.

Поэтому Япония больше других держав капиталистического мира была заинтересована в ограничении ирано-иракского конфликта, предотвращении его распространения на весь район Персидского залива. Этим объяснялась сравнительно высокая активность Токио в вопросе об урегулировании спора между Ираном и Ираком, которая, в частности, выразилась в готовности Японии к посредничеству между воюющими странами. Об этом японское правительство заявило в 1983 г.

Идея посредничества Японии в ирано-иракском конфликте родилась не в Токио. Предложение такого рода было первоначально выдвинуто иракским правительством через несколько месяцев после начала военных действий. В октябре 1980 г. министр высшего и среднего образования Ирака Д. М. Халаф, находившийся в Токио с официальным визитом, передал премьер-министру Судзуки Дзэнко личное послание президента Саддама Хусейна, в котором иракская сторона обращалась к японскому правительству с просьбой содействовать заключению соглашения о прекращении огня с Ираном.

Эти же предложения были повторены в декабре 1980 г. во время визита в Японию министра нефти Ирака Абдул Карима. На этот раз представитель Багдада изложил подробную программу урегулирования конфликта. Столкнувшись с нежеланием японского правительства

принимать иракские предложения, Абдул Карим пытался заинтересовать Токио обещанием резко увеличить поставки нефти, если удастся достигнуть соглашения о прекращении военных действий. Стремясь привлечь на свою сторону японские деловые круги, иракское правительство предложило им принять участие в осуществлении семи крупных проектов, включавших сооружение нефтехимических предприятий, электростанций и агропромышленных комплексов. Обсуждению этих вопросов было посвящено состоявшееся в январе 1981 г. совещание Японо-иракского комитета по экономическому сотрудничеству<sup>19</sup>.

Однако все предложения Ирака были отклонены. Учитывая конъюнктуру мирового рынка топлива, на котором в тот период сложилось относительное превышение предложения нефти над спросом, японское правительство не испытывало особой необходимости в увеличении закупок.

Курс японского правительства в данном вопросе претерпел серьезные изменения в начале 1983 г., когда из-за эскалации военных действий возникла реальная опасность блокады Ормузского пролива. Ирак совершал нападения на иранские нефтяные установки (экспорт нефти имел для Ирана решающее значение: так он получал средства для ведения войны) и стремился придать войне интернациональный характер, распространяя слухи о возможном нефтяном кризисе в результате нарушения судоходства в Персидском заливе и закрытия Ираном Ормузского пролива. В этих условиях продолжение конфликта могло привести к резкому сокращению поставок нефти в Японию. «Япония обладает всеми необходимыми преимуществами для выдвижения дипломатических инициатив в отношении ближневосточного региона», — писала «Джапан таймс»<sup>20</sup>.

Готовность Ирака вступить в мирные переговоры позволяла до известной степени рассчитывать на успех посредничества. Сомнения вызывала позиция Тегерана, тем более что попытки примирить стороны, уже предпринимавшиеся по линии ООН и организации «Исламская конференция», оказались неудачными. Учитывая это, японская дипломатия не рискнула открыто принять на себя посреднические функции, хотя фактически приступила к их выполнению.

Поиск путей к компромиссу определил круг задач визита 9–12 августа 1983 г. на Ближний Восток министра иностранных дел Японии Абэ Синтаро. Предвидя сложность предстоящих переговоров, он заявил на пресс-конференции накануне отъезда: «Оценивая место Японии с точки зрения соотношения сил в мире и положения на ирано-иракском фронте, мы не собираемся выступать в качестве арбитра в этом кон-

фликте. Мы намерены обратиться к обеим сторонам с призывом к миру»<sup>21</sup>.

Переговоры, которые вел С. Абэ в Багдаде, подтвердили готовность Ирака признать японское сотрудничество и вступить в мирные переговоры с Ираном.

Однако в Тегеране инициативы Токио были встречены холодно. Японской стороне было предложено попытаться убедить иракское правительство принять условия Ирана (вывести войска из оккупированных районов, выплатить репарации, отстранить от власти ряд иракских руководителей и т.п.). Кроме того, иранское правительство в принципе высказалось против участия третьих стран, в том числе Японии, в переговорах о мире.

Попытка японской дипломатии придти к взаимопониманию с конфликтующими сторонами по вопросу мирного урегулирования не принесла успеха. Однако миссия С. Абэ была использована в пропагандистских целях. Ссылаясь на нее, японское правительство стало обосновывать тезис о конструктивном характере влияния, которое оно оказывает на положение в районе Персидского залива. Кроме того, Японии удалось привлечь внимание международной общественности к своей позиции в отношении урегулирования конфликта, что являлось определенным шагом к обеспечению широкого признания «особых» функций японской дипломатии на Ближнем и Среднем Востоке.

Будучи непосредственно заинтересованно в сохранении свободного судоходства в Ормузском проливе, японское правительство стремилось выступать в отношениях с конфликтующими сторонами как представитель всех развитых капиталистических стран. При этом оно широко использовало для пропаганды своей миссии трибуны международных организаций и каналы двухсторонних связей. Выступая 28 сентября 1983 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, министр иностранных дел Японии С. Абэ заявил: «Мы не пожалеем усилий для развития в рамках, определенных конституцией, сотрудничества с ООН в целях урегулирования конфликта между Ираном и Ираком мирными средствами»<sup>22</sup>.

В связи с новым обострением обстановки в регионе в октябре 1983 г. японское правительство неоднократно через своих представителей в Багдаде, иракских дипломатов в Токио и специальных посланников передавало Ираку пожелание воздержаться от бомбардировок объектов иранской нефтяной промышленности. В частности, японские представители пытались заручиться гарантиями в отношении безопасности

<sup>19</sup> Нихон кэйдзай симбун. 03.02.1981.

<sup>20</sup> The Japan Times. 02.07.1983.

<sup>21</sup> Богатуров А. Д. Японская дипломатия в борьбе за источники энергетического сырья, с.136.

<sup>22</sup> The Japan Times. 30.09.1983.

нефтехимического комплекса в Бендер-Хомейни, где с января 1984 г. предполагалось возобновить работы. Японское правительство пыталось, прежде всего, ограничить зону военных операций, исключить из нее объекты, имеющие особое значение с точки зрения снабжения нефтью. Однако из этого ничего не вышло, поскольку оно натолкнулось на твердую позицию Ирака.

Иракское руководство отказывалось от частичных компромиссов с Ираном, в том числе от тех, которые отвечали интересам японских предпринимателей. Речь шла о прекращении военных действий или заключении соглашения между воюющими сторонами о свободе судоходства в Персидском заливе. Багдад же предлагал Токио содействовать в достижении всестороннего урегулирования спора с Ираном. Однако иранское правительство по-прежнему выступало против участия японских представителей в процессе нормализации обстановки в зоне конфликта.

Неудачные попытки посредничества между Ираном и Ираком поставили под сомнение возможность гарантировать безопасность прохода японских нефтеналивных транспортов через зону конфликта на основе указанных выше условий.

Поэтому японская дипломатия стала прорабатывать другой вариант решения проблемы обеспечения надежности поставок. В первой половине 1984 г. в Японии стали активно обсуждаться перспективы стабилизации снабжения страны нефтью в случае военного поражения одной из сторон в ирано-иракском конфликте. Обсуждалась также возможность восстановления отношений Ирана с США при условии получения от американской администрации помощи в войне против Ирака. В официальном порядке иранское руководство в конце 1983 г. обращалось к японскому правительству с просьбой о содействии в установлении контактов с Вашингтоном. Таким образом, снова возник вопрос о японском посредничестве.

Япония выступала с посредническими функциями с декабря 1983 по июль 1984 г. За это время через японских дипломатов из Вашингтона в Тегеран и обратно было передано несколько официальных посланий, при помощи которых американская администрация и иранское руководство пытались договориться о взаимоприемлемых условиях нормализации межгосударственных отношений. Однако начавшиеся контакты были прерваны по инициативе Ирана, который не был удовлетворен предложениями США. Таким образом, попытки Токио оказать содействие своему союзнику оказались безрезультатными.

Однако неудачные попытки посредничества не привели к снижению активности японской дипломатии в зоне Персидского залива. Токио продолжал уделять значительное внимание обеспечению стабильных поставок нефти из этого региона, тем более что новое обострение ситуации в регионе весной-летом 1987 г. усилило опасения относительно прекращения транспортировки топлива через Ормузский пролив.

Действия военно-морских сил и авиации конфликтующих сторон, предпринимаемые ими операции по минированию отдельных участков Персидского залива создали реальную угрозу для судоходства. С 1981 по 1987 г. в зоне Ормузского пролива в результате военных действий в той или иной степени пострадало более 330 гражданских, главным образом, нефтеналивных судов третьих стран.

Кроме того, иранские власти нередко задерживали суда нейтральных государств, которые направлялись в порты арабских стран. Таким образом, они пытались помешать доставке военных грузов для Ирака. Только за первую половину 1987 г. было зарегистрировано пять случаев ареста иранскими военными представителями зафрахтованных японскими компаниями судов, следовавших в Кувейт, для проведения досмотра. Все эти факты вызывали серьезную озабоченность Токио.

Ситуация в регионе еще более осложнялась в связи с решением администрации США осуществлять эскортирование следующих под американским флагом танкеров нейтральных арабских стран (главным образом Кувейта), для чего в Персидский залив была направлена группа кораблей военно-морских сил (ВМС) США. Вследствие этого возникла угроза прямого вмешательства Вашингтона в ирано-иракский конфликт.

Японское руководство заняло в отношении происходящих событий осторожную позицию. Внутри правящего лагеря страны не было единства по вопросу о японской политике в зоне Персидского залива. В частности, опасаясь втягивания Японии в конфликт, деловые круги настаивали на немедленном прекращении военных действий в районе Персидского залива и проведении ирано-иракских переговоров о мире. Отражающая мнение предпринимателей газета «Нихон кэйдзай симбун» подчеркивала в редакционной статье: «Поскольку непосредственно затрагиваются интересы Японии, правительство обязано приложить все усилия для ослабления существующей напряженности»<sup>23</sup>.

В то же время определенная часть политиков требовала активного участия Японии в поддержке акций министерства иностранных дел, об этом упоминалось в «Джапан таймс»: «Многим мыслящим японцам тяжело сознавать, что конституционные ограничения не позволяют Японии протянуть руку помощи союзнику, взявшему на себя неблагодарную миссию обеспечения свободы морского судоходства»<sup>24</sup>.

В связи с этим президент США Рейган в мае 1987 г. ввел 100%-ные пошлины на японские электронные изделия (300 млн. долл.). Решение Рейгана вызвало определенную растерянность и сильное раздражение в деловых и политических кругах Японии. Премьер-министр Накасонэ Ясухиро пытался успокоить деловые круги, заявив, что он надеется

<sup>23</sup> Нихон кэйдзай симбун. 27.05.1987.

<sup>24</sup> The Japan Times. 07.06.1987.

урегулировать этот конфликт во время предстоящего визита в Вашингтон в конце апреля 1987 г. Однако ему не удалось добиться на переговорах отмены санкций в отношении японской электронной продукции. Рейган пообещал во время совещания, что отменит это решение, если Токио полностью выполнит соглашение<sup>25</sup>.

В этот период в японской печати обсуждался вопрос, в какой форме Япония могла бы участвовать в обеспечении безопасности танкеров с нефтью, проходящих через Ормузский пролив. Некоторые обозреватели допускали возможность направления японских вспомогательных судов для поддержки «многонациональных сил» западных держав в регионе. Однако японское правительство не спешило излагать официальную точку зрения по этим вопросам.

Вместе с тем оно пыталось добиться гарантий безопасности движения японских транспортов путем достижения прямой договоренности с Тегераном. В мае 1987 г. в зоне Ормузского пролива было совершено нападение военных кораблей без опознавательных знаков на японский танкер. По мнению Токио, эти суда принадлежали Ирану. В связи с этим иранской стороне была передана просьба воздержаться от нанесения ударов по судам, следующим под японским флагом. Однако иранский министр не признал самого факта нападения иранских военных кораблей на японское судно, возложив ответственность за этот инцидент на Ирак. Последний в свою очередь также отказался взять на себя какие-либо обязательства по существу обращения японской стороны.

В связи с дальнейшим усилением напряженности в зоне Персидского залива и возможного вмешательства западных держав в ирано-иракский конфликт японское правительство решило определить свою позицию в отношении ситуации в регионе. 30 мая 1987 г. в министерстве иностранных дел Японии был устроен брифинг, в ходе которого было официально заявлено, что правительство Японии не намерено посылать никаких судов в район Ормузского пролива, за исключением танкеров, поскольку это бы противоречило японской конституции. Было подчеркнуто, что Япония может принять участие в урегулировании конфликта исключительно мирными средствами<sup>26</sup>.

Точка зрения правительства была детализирована премьер-министром Я. Накасонэ во время его пресс-конференции после окончания очередного совещания стран «семерки» в Венеции в июне 1987 г. Глава японского правительства категорически отверг возможность направления в район конфликта кораблей японских сил самообороны. Он также отрицательно ответил на вопрос о возможности участия Токио в финансировании операции США по эскортированию танкеров.

<sup>25</sup> *Вербицкий С. И.* Новые тенденции в новой политике Японии. – Япония 1987. Ежегодник. М., 1987, с. 55–56.

<sup>26</sup> The Japan Times. 20.05.1987.

В то же время Я. Накасонэ подтвердил готовность Японии содействовать проведению мирных переговоров между воюющими сторонами. Он особо подчеркнул, что крупным вкладом Токио в дело нормализации обстановки в регионе может стать финансово-экономическая помощь Японии обеим странам после прекращения между ними военных действий<sup>27</sup>.

Позиция японского правительства в отношении ситуации в зоне Персидского залива была подробно изложена представителям Ирана министром иностранных дел Японии Т. Куранари, который посетил Тегеран сразу же после совещания в Венеции. В ходе встреч с президентом Ирана Али Хаменеи, с председателем меджлиса Хашеми Рафсанджани и министром иностранных дел А. Велаяти японский представитель призывал иранское руководство вступить в переговоры о мире с Ираком при посредничестве ООН. Однако иранская сторона негативно восприняла обращение Токио.

Линия поддержки инициатив ООН, направленных на урегулирование ирано-иракского конфликта, которая проявилась в ходе визита Т. Куранари в Тегеран, была продолжена японской дипломатией и в дальнейшем. Так, например, став с января 1987 г. непостоянным членом Совета Безопасности ООН, Япония проголосовала 20 июля 1987 г. за резолюцию № 598, призывающую Иран и Ирак незамедлительно прекратить военные действия и отвести свои войска к границам, существовавшим между ними до начала конфликта в 1980 г.

Позиция Японии в отношении ирано-иракского конфликта не удовлетворила США, добивавшихся от нее действенной поддержки американских акций в Персидском заливе. Это давление привело к определенным результатам. Так, 28 августа 1987 г., выступая в парламенте, премьер-министр Я. Накасонэ заявил, что отправка японских минных тральщиков на Ближний Восток не может быть в принципе квалифицирована как применение силы и не противоречит японской конституции. В то же время глава японского правительства был вынужден подчеркнуть, что руководство страны не намерено предпринимать никаких практических шагов в этом направлении. В конечном итоге Японии удалось уклониться от прямого пособничества Вашингтону в районе Персидского залива. На переговорах, которые вел в США в октябре 1987 г. начальник управления национальной обороны Ю. Курихара, была достигнута договоренность об увеличении японским правительством ассигнований на содержание американских баз в Японии. Сумма должна была быть эквивалентна доле финансового бремени, установленной Вашингтоном для Токио по оплате пребывания военной армады США в водах Персидского залива.

<sup>27</sup> The Japan Times. 11.06.1987.

Таким образом, подход Японии к ситуации в этом регионе в целом свидетельствовал о существовании определенных рамок, ограничивающих готовность японского правительства оказывать поддержку линии США. Сотрудничество Японии с Вашингтоном распространялось преимущественно на дипломатическую сферу (заявление о поддержке курса США и т. п.), но не включало непосредственное взаимодействие в вопросах обеспечения действий военно-морских сил США.

Сдерживающее влияние на позицию Токио оказывало не только мнение широкой общественности страны, требующей соблюдения принципов мирной конституции Японии, но и опасения правящих кругов подорвать связи с кем-либо из государств-экспортеров нефти в случае непосредственного вовлечения в конфликт.

Таким образом, Япония смогла преодолеть нефтяные кризисы на Ближнем Востоке благодаря энергетической дипломатии, которую вела по отношению к странам Ближнего Востока и по отношению к державам, имеющим свои интересы в данном регионе, обеспечив себе непрерывный поток жизненно необходимого энергоресурса.

## Стратегическое партнерство Японии и Индии

---

**Н. В. Стапран**

В рамках внешнеполитической стратегии, провозглашенной правительством Японии в начале 2007 г. под названием «Ось свободы и процветания» Индии было уделено особое место. В частности, подчеркивалось, что она является одной из немногих азиатских стран, разделяющих принципы демократии, прав и свобод человека, рыночные принципы экономики. В связи с этим за ней признавалось право развивать равноправное и полновесное сотрудничество с Японией. В свою очередь Индия в начале XXI в. выдвинула свою внешнеполитическую стратегию «Взгляд на Восток»<sup>1</sup>, в которой значительное место уделялось Японии.

Потребность в активизации японо-индийского сотрудничества формировалась на протяжении нескольких лет, и, как говорят многие эксперты, не без американского влияния. Исследователи утверждают, что США стимулируют японо-индийское взаимодействие в первую очередь с целью противодействия растущему влиянию Китая и России в регионе, а также в пике российско-китайско-индийскому треугольнику. Тем не менее, очевидно, что, помимо геополитических интересов США, существует естественная потребность двух стран в развитии отношений. В своей книге «Стремясь к красивой стране» бывший премьер-министр Японии С. Абэ отмечал, что «не удивительно, если через 10 лет, японо-индийские отношения опередят японо-американское и японо-китайское взаимодействие»<sup>2</sup>.

### История двустороннего взаимодействия

После окончания второй мировой войны Индия одной из первых азиатских стран пошла на улучшение отношений с Японией еще до подписания Сан-Францисского мирного договора. В 1949 г. в знак примирения Дж. Неру преподнес в дар Токийскому зоопарку двух индийских слонов. 28 апреля 1952 г. был подписан договор об установлении дипломатических отношений между Японией и Индией – один из первых договоров такого рода.

Поставки индийской стали в первые послевоенные годы во многом способствовали восстановлению японской экономики. В 1957 г. премьер-

---

<sup>1</sup> «Азия времен перемен». – Речь министра иностранных дел Яшванта Сингха в Институте оборонных и стратегических исследований в Сингапуре. 26.08.2003.

<sup>2</sup> Abe S. Towards a Beautiful Country: my Vision for Japan. 2007.